

Прыжок в бездну

Виктор переключил на ближний свет и слегка сбросил скорость. Ливень, пеленой застилавший лобовое стекло, повис над дорогой, как плотный занавес из дождя. Двигаться вперед стало очень сложно. Мысли в голове путались. Сбивались где-то в одной части мозга в сюрреалистический клубок без всякой логики. Он занервничал, но словно не по-настоящему. Он отучился злиться долго. Виктор просто моментально забывал о причине своего гнева, а потому напряжение становилось бессмысленным, и уже через мгновение он расслаблялся. Но и состояние его покоя казалось каким-то странным, полуспокойным, нереальным. Разум был омрачен изощренными обидами, которые возникали из ниоткуда и туда же исчезали, не задерживаясь в сознании надолго. Собственно, Виктор не мог с точностью сказать, о чем он думает в конкретный момент времени и что именно он чувствует. Все смешалось: эмоции, воспоминания, действительность. Чертов ливень, он лишь усугублял его крайне неуравновешенное состояние! Виктор не понимал, что с ним происходит и что он должен делать после каждой следующей волны страха.

Устав от напряжения, он прекратил бороться с собой, решив, что если им руководит кто-то или что-то, то пусть будет на то его воля. Непосильный самоконтроль полностью истощал сознание.

Мокрая, скользкая горная дорога с ямами да ухабами становилась все более сложной по мере того, как поднималась выше. Хорошо, хоть машин не было. Он сосредоточенно всматривался вперед, но кроме потрепанной грязно-белой линии слева от капота не было видно ни зги. Лишь три-четыре метра форы и... ливневый занавес.

Периодически звонил телефон, но Виктор выхватывал только сыновье «пап!». Горы и обильный, словно тропический, ливень глушили сотовый сигнал. Навигатор тоже вышел из строя.

— Алло? Алло?! Сволочная погода! — в который раз воскликнул Виктор и хотел было уже бросить телефон на сиденье рядом, но тот опять завопил.

— Пап, ты м... слыш...? — наконец донеслось прерывисто.

— Да, говори, сына! Я слышу!

— Ты уже возвращаешься? Мы в реа...ции, маме сдел... промывание же...ка. Слышишь, пап?!

— Я плохо тебя слышу, от-вра-ти-тель-но! Тут непогода. Потоп!

— Не волн...ся! Уже все. Не надо... — И голос растворился в раскате грома от смачно шарahnувшей где-то рядом молнии.

Виктор от неожиданности дернул левой рукой, чуть было не выскочив на встречную. К счастью, на дороге по-прежнему не было ни одного автомобиля. Из сообщения сына он почти ничего не понял. Таню отвезли в реанимацию. О ее отравлении чудовищной дозой снотворного Виктор узнал еще до приезда сюда. Наверно, надо было сразу же вернуться, но он не смог. Он должен был увидеть ее, поговорить. Возможно,

надо бы отложить отъезд в Италию из-за попытки самоубийства Татьяны. Это нарушало его планы, но было единственно правильным решением. Он не мог бросить в такой ситуации жену. Это будет нечестно и жестоко по отношению к детям. Виктор поздно понял, что не сможет всего объяснить Виоле. Был убежден, что она не захочет его слушать. Хотя она всегда все принимает и понимает.

Татьяна — женщина не из слабых. Ее отравление выглядело скорее спланированным актом, чем проявлением безволия. В стрессовых ситуациях она всегда умела сконцентрироваться, мыслила холодно и рассудочно, как мужик. Виктору даже на мгновение захотелось, нет он понял, что где-то глубоко, в самом темном уголке своей души, он страстно желал, чтобы никто не узнал о попытке самоубийства жены, никто не появился вовремя. Пусть бы она так и уснула этим добровольно вызванным сном и уже никогда более не просыпалась. Он не чувствовал греховности своего желания. Разве никто и никогда не хотел, чтобы жена исчезла бесследно из его жизни?! Хотя раз, но такое бывает. Но дудки! Нельзя решить одним махом все проблемы.

А Татьяна ему их создавала определенно сознательно. Развод, раздел имущества, ухудшившиеся отношения с сыновьями и постоянные скандалы, истерики, ссоры... Он давно уже перестал чувствовать по отношению к ней хоть что-либо. Она стала для Виктора членом его семьи, как брат или сестра. Татьяна просто была в его жизни как неотъемлемая часть, часть очень обременительная — со своими требованиями и упреками. Хотя он заметил, что до недавнего времени ее не особенно тревожило отсутствие близости, а если она и случалась, то не приносила прежнего внутреннего единения, понимания и гармонии. Возможно, и у нее кто-то был? А может, ей уже ничего не хотелось, кроме удовлетворения ее финансовых потребностей. Второе более очевидно. У Татьяны

был надежный моральный стержень. Это он хорошо знал. К тому же она не отличалась особым темпераментом, чтобы быть похотливой. Именно поэтому он и взял ее в жены. Она была надежным бизнес-партнером. На нее можно было рассчитывать в любой момент. Татьяна могла заменить его, поддержать и вести дела не хуже, а иногда даже значительно лучше. Но так было раньше. А затем она обленилась, когда Виктор сам, без помощи ее отца, начал строить свою небольшую империю. Она тешила свое самолюбие перед подругами, чьи мужья не были столь успешными. Могла себе позволить намного больше, чем другие, и этого ей, видимо, было достаточно. Похоже, ее тревожил лишь статус-кво, внешний антураж. Виктор понял это, но совсем не опечалился. Кто же будет заморачиваться из-за того, что у жены развилась гордыня?! Его тоже все устраивало. Так даже удобнее — сбросил обусловленную сумму на карточку и не паришься. Дежурные комплименты, цветы на праздники, дорогие статусные подарки на день рождения, годовщину свадьбы — и ты идеальный муж.

Поэтому теперь, когда он решил уйти, ее страшил крах такой, казалось бы, благополучной жизни. Ее королевство разрушало мощное землетрясение. Виктор забил бы на все, если бы не этот случай с отравлением. Татьяна задействовала последний аргумент, тяжелую артиллерию. Он понимал, что она сознательно манипулирует им, но ничего не мог сделать. Лучше бы она не выжила! И ничего такого убийственного в его мыслях нет. Кто, ну хоть раз, не мечтал, чтобы его жена внезапно умерла и освободила его от своего надоедливое присутствия?! Нет, он не чувствовал себя виноватым. Черта с два! Он искренне и глубоко полюбил другую женщину, настоящую женщину — слабую, но и сильную в своей слабости, нежную, незащитную и заботливую. Была ли она такой лишь с ним? Он не думал об этом. Знал, что она только

его, а желает ее вся публика в зале. И это заводило его еще больше. Как, как она будет жить там, в Италии, без него? Не мог ее отпустить и не хотел, но Танька спутала все карты! «Хитрое чудовище, гадина, ничем не побрезговала!» — мысленно выругался Виктор. Теперь он должен остаться здесь, пока она не встанет на ноги, не придет в себя окончательно. «Вот стерва, все продумала! Задавить ее мало!» — злился Виктор, каждый раз тормозя перед неожиданными волнами неумного ливня.

Дворники на лобовом стекле не успевали смахивать пелену дождя, как его заливала новая волна. Продолжать езду становилось слишком опасно. Надо было сворачивать на обочину и переждать, но не здесь, на перевале: с вершины горы мог сойти грязекаменный поток. А эта опасность посерьезнее ливня. Виктор решил не рисковать, а переждать ненастье внизу, около первого же кафе или частного дома.

Виктор уже приближался к высшей точке Яблунецкого перевала, как вдруг неизвестно откуда на дорогу, метрах в пяти перед капотом, выскочил кто-то, похожий на зайца. И устался на Виктора круглыми, голографически-красными глазами. Он окаменел, его тело мгновенно покрылось холодными капельками пота, вспотели даже ладони. Гром колотил, словно в громадные барабаны, выдерживая паузы лишь на вспышки молний, а зайчонок стоял посреди дороги, поднявшись на задние лапки, и не двигался. Виктор неистово ударил по сигналу, резко выжав тормоза, зная заранее, что его понесет.

Все произошло настолько стремительно, что он не успел адекватно оценить свои действия. Машина буквально вылетела, словно с трамплина, в пропасть вместе с потоком сходящей грязи, сломав парашют, как спичку.

Его разум прояснился одновременно со вспышкой молнии, осветившей невероятно глубокую расселину. Виктору